

ГЛАВА 21

Жэнь Ши резко вскочил. Он в упор смотрел на Гу Сюньчжи, не понимая, с чего тот вдруг передумал. В его облике сквозила такая властность, что Сюньчжи невольно втянул голову в плечи и отшатнулся.

Осознав, что напугал его, Жэнь Ши отступил на шаг, но взгляда не отвел.

Еще недавно всё было решено. Он ясно видел, что Сюньчжи хочет уйти. Почему теперь, когда с делами покончено, тот поменял решение? В душе Жэнь Ши шевельнулось подозрение. Вспомнив только что ушедшего князя Цзиня, он нахмурился:

— О чем ты говорил с князем?

Гу Сюньчжи опустил глаза, не смея встретиться взглядом с шисюном. Стараясь казаться невозмутимым, он покачал головой:

— Его Высочество действительно просил меня остаться, но моё решение никак с ним не связано. Это моё собственное желание.

Он был ещё очень слаб; голос звучал тихо, дыхание прерывалось, но в тоне слышалась непоколебимая твердость. Услышав это, Жэнь Ши перестал думать о князе. Он снова сел на край кровати, взял Сюньчжи за руку и мягко спросил:

— Если дело не в князе, то в чем же? Расскажи мне.

Жэнь Ши знал, что его младший брат — человек робкий и всегда немного его побаивался, поэтому старался казаться терпеливым и добрым. Однако внезапная новость стала для него тяжелым ударом; как он ни пытался скрыть досаду, он всё равно нахмурился.

Собравшись с духом, Гу Сюньчжи поднял голову. Увидев лицо шисюна, он внутренне содрогнулся. Заготовленные слова замерли на губах, едва не рассыпавшись прахом.

Ранее князь Цзинь сказал, что такой умный человек, как Сюньчжи, наверняка найдет предлог, чтобы отделаться от шисюна. Князь не ошибся: оправдание даже не нужно было придумывать, оно всегда было под рукой. Но чтобы произнести его вслух, требовалось мужество, которым Сюньчжи никогда не обладал.

И всё же медлить было нельзя. Сюньчжи до боли закусил губу, зажмурился и почти выкрикнул:

— Я... я просто не могу ехать с тобой!

Жэнь Ши застыл в изумлении. Он и представить не мог, что одна мысль о совместном пути причиняет Сюньчжи такие страдания. Он невольно коснулся своего лица:

— Почему? Неужели ты... и впрямь так сильно меня боишься?

В голосе Жэнь Ши, помимо шока, проскользнула горечь. Сюньчжи не ожидал, что брат поймет его превратно. Чувство вины захлестнуло его с новой силой, из глаз брызнули слезы:

— Нет-нет! Это не твоя вина! Вообще не твоя... Дело только во мне.

Раздражение в душе Жэнь Ши немного утихло, но недоумение лишь усилилось. Он растерянно смотрел на залитое слезами лицо Сюньчжи и, не зная, что делать, просто протянул руку, стирая пальцами его слезы.

— Не торопись, — произнес он. — Что бы ни случилось, расскажи мне всё по порядку.

Нежность шисюна заставила Сюньчжи почти возненавидеть себя. Чем совершеннее казался Жэнь Ши, тем более ничтожным, немощным, уродливым и алчным чувствовал себя Гу Сюньчжи... Он был не достоин даже пыль вытирать с его сапог.

«Раз так... пусть... пусть всё закончится сегодня».

Гу Сюньчжи кусал губы почти до крови. Решившись, он отбросил всякую осторожность:

— Шисюн, ты ведь хотел знать, почему я тогда сбежал с горы Лазурного неба, не сказав ни слова? Мне было слишком стыдно признаться, но раз ты настаиваешь... я больше не могу скрывать правду.

Жэнь Ши не ожидал, что корни нынешней размолвки уходят так глубоко в прошлое. Он запутался окончательно.

Сюньчжи крепко зажмурился и на одном дыхании выпалил то, что хранил в тайне долгие годы:

— Я питал к тебе постыдные, грязные помыслы! У меня не хватило духу даже смотреть тебе в глаза!

Эти слова прозвучали подобно удару грома, посеяв в мыслях Жэнь Ши полный хаос. Он понимал каждое слово по отдельности, но смысл фразы никак не укладывался в голове. Он вгляделся в лицо Сюньчжи, надеясь найти подсказку, но тот, высказавшись, закрыл лицо рукавом и забился в угол кровати, словно не смея больше поднять взора.

Жэнь Ши только и смог, что нахмуриться:

— О чем ты говоришь? Какие помыслы? При чем здесь стыд?

Раз плотина была прорвана, Сюньчжи стало уже всё равно. С отчаянием утопленника он изливал секрет, который терзал его десятилетиями:

— Неужели ты совсем ничего не замечал? Мне было всего тринадцать, когда в моем сердце... зародилось...

Он судорожно всхлипнул и сглотнул, подбирая верное слово:

—...обожание. Я знал, что ты никогда не ответишь мне взаимностью. Но это чувство никуда не исчезло. Я надеялся, что за столько лет оно выветрится, истлеет. Но когда я снова увидел тебя...

Сюньчжи задохнулся от рыданий. Он замолчал, и лишь спустя долгое время опустил рукав. Его глаза покраснели от слез, голос дрожал, но звучал твердо:

— Уходи, шисюн. Уходи и не возвращайся. Забудь обо мне. Считай, что у тебя никогда не было такого младшего брата.

После того как чувства, копившиеся почти сотню лет, вырвались наружу, Сюньчжи ощутил пустоту. Силы оставили его.

Собрав последние крохи воли, он заставил себя поднять голову и взглянуть на Жэнь Ши.

Тот стоял посреди комнаты. Сквозняк, пробравшийся сквозь щели в окнах, шевелил полы его одежд. На лице шисюна не было ни ужаса, ни брезгливости, которых так боялся Сюньчжи. Не было там и улыбки или ответной любви, о которых он грезил в тайных снах. Жэнь Ши застыл в полном замешательстве, чуть нахмурив брови, будто столкнулся с неразрешимой задачей.

Он просто не понимал, о чем толкует Сюньчжи.

Сюньчжи ждал чего угодно: он думал, что шисюн, искушенный в делах мира, давно раскусил его и просто молчал из жалости. Он был готов к тому, что его вышвырнут вон за шкуру, как какую-нибудь лисицу-оборотня, посягнувшую на святое. Но это выражение растерянности на лице Жэнь Ши было невыносимо. Если даже шисюн не знает, как быть, то откуда знать ему?

Вся жизнь Сюньчжи держалась на этой тайне. Теперь, когда она была раскрыта, ему казалось, что и само существование потеряло смысл. Лучше было бы умереть прямо сейчас, чем жить с этим жгучим стыдом. Из-за болезни он и так выглядел изможденным, словно высохшая щепка,

но глаза его сияли лихорадочным блеском — в них бушевало пламя, готовое вот-вот поглотить остатки жизни.

Жэнь Ши долго смотрел на него. Они молчали, разделенные пропастью непонимания. Наконец Жэнь Ши шевельнулся — кажется, до него начало что-то доходить.

— Значит, твоя болезнь... — запнувшись, спросил он.

Сюньчжи закрыл глаза, лицо его исказилось от боли, а голос стал хриплым:

— Она из-за тебя, шисюн.

Жэнь Ши замер, словно пораженный громом. Он перестал хмуриться, наконец поняв ответ на невозможную загадку: так, значит, эта изнуряющая чахотка, вся эта немощь — из-за него?

В груди Жэнь Ши что-то болезненно сжалось. Глядя на иссохшего, измученного младшего брата, он почувствовал, как в носу и глазах защипало. Он стоял, словно человек, совершивший непоправимую ошибку, и в конце концов глухо произнес:

— Раз мое присутствие приносит тебе одни лишь страдания... я... уйду один.

Он резко развернулся и, задев плечом дверь, стремительно вышел вон. Две утки, Бай Лянь и Цзюй Ши, ютившиеся у порога, едва не отлетели в сторону от этого порыва. Захлопав крыльями, они попытались было догнать хозяина, но замерли у ворот. Переглянувшись, птицы вернулись в комнату и остановились перед кроватью Гу Сюньчжи, принимаясь громко галдеть.

Вся эта сцена была до странности нелепой. Сюньчжи вытер глаза, голос его всё еще прерывался от всхлипов:

— Он уходит. Почему вы не идете за ним?

Утки на мгновение замолчали. Цзюй Ши, пестрая утка, открыл клюв, издавая звуки, подозрительно похожие на человеческую речь, но Бай Лянь тут же отвесил ему затрепину крылом, заставляя замолчать.

Пораженный странным поведением птицы, Сюньчжи уставился на него. Белая утка важно подошёл к самой кровати, положил крыло ему на колено и с совершенно нетипичным для птицы выражением — крайне серьезным и сочувственным — произнёс:

— Га-га.

<http://bllate.org/book/17555/1712587>